

НОВГОРОДЦЫ И КУЛИКОВСКАЯ БИТВА

В десятом томе «Новгородского исторического сборника» Г. Е. Дубровин выступил с двумя статьями, одна из которых в основном посвящена возражениям на мою работу, опубликованную 36 лет назад в академическом ежегоднике.¹ Предметом спора оказался вопрос: участвовали или не участвовали новгородцы в сражении на Куликовом поле? Вопрос сам по себе отнюдь не маловажный; к тому же, как оказалось, с празднованием 625-й годовщины исторической победы общерусского войска точно совпала публикация попытки упомянутого автора опровергнуть факт присутствия в этом войске новгородцев.

Однако доказывает данный факт совершенно бесспорно, прежде всего, синодик храма Бориса и Глеба на Торговой стороне, где записано поминание «на Дону избивенных братии нашей при велицем князи Дмитреи Ивановичи»² (оно находится в ряду аналогичного типа поминаний, относящихся к событиям 1240—1456 гг.). Контекст не оставляет сомнений, что речь идет именно о новгородцах, павших на Куликовом поле. Об этом говорилось не только в упомянутой моей статье. Почти тогда же была напечатана работа В. Л. Янина, где он в иной связи тоже полностью процитировал соответствующий отдел синодика и расценил приведенные мною выше слова его как «в высшей степени любопытное свидетельство участия новгородцев в Куликовской битве».³

Г. Е. Дубровин не захотел доверять данному свидетельству — на том только основании, что время окончательного оформления всей соответствующей части синодика — это «конец 50-х гг. XV в.» (с. 82), т. е. «значительно позднее событий 1380 г.» (с. 83). Подобное рассуждение трудно воспринимать серьезно: почему бы тогда не отказать в доверии, например, свидетельствам об участии новгородцев в Невской битве или в Ледовом побоище? Ведь содержащая эти свидетельства Новгородская первая летопись старшего извода окончательно оформилась «значительно позднее событий» 1240 г. и 1242 г. ...

Дело в том, что Г. Е. Дубровин захотел поставить на место факта, документированного источниками, свою догадку, ничем реально не подкрепляемую. Стержнем его статьи оказался разговор о предполагаемом

¹ См.: Азбелев С. Н. Сказание о помощи новгородцев Дмитрию Донскому // Русский фольклор. Л., 1972. Т. 13. С. 77—102; Дубровин Г. Е. Легенды об участии новгородцев в Куликовской битве и прусско-плотничье крыло «московской партии» Новгорода во второй половине XV в. // НИС. СПб., 2005. Т. 10 (20). С. 75—95. Отсылки к страницам этих работ даются в тексте статьи.

² Шляпкин И. А. Синодик 1552—1560 г. Новгородской Борисоглебской церкви // Сборник Новгородского общества любителей древности. Новгород, 1911. Вып. 5. С. 7 (отдельной пагинации).

³ Янин В. Л. Церковь Бориса и Глеба в Новгородском детинце. (О новгородском источнике «Жития Александра Невского») // Культура Средневековой Руси. Л., 1974. С. 91. Последнее переиздание этой работы — в книге: Янин В. Л. Средневековый Новгород: Очерки археологии и истории. М., 2004. С. 245—253; приведенное суждение — на с. 252.

поведении «промосковски настроенных» бояр Плотницкого конца в период утраты Новгородом государственной самостоятельности. По мысли Дубровина, забота о самосохранении побудила этих людей попытаться понравиться Москве идеологически — путем инициирования «появления, точнее, организованного (?) оформления свидетельств об „участии“ новгородцев в Куликовской битве» (с. 85, 86). Эта надуманная идея сама по себе выглядит довольно странно — если принять во внимание хорошо известный по летописям Москвы и Новгорода идеологический контекст ликвидации новгородской самостоятельности. Но автор чрезвычайно увлечен стремлением подвести под свою догадку плохо поддающийся этому материал. Г. Е. Дубровин категорично пишет, что *«все источники, свидетельствующие об участии новгородцев в Куликовской битве, так или иначе связаны с Плотницким концом Новгорода»* (с. 82, курсив Г. Е. Дубровина). К тому же он полагает что все свидетельствующие об этом источники «оформились в первоначальном виде еще позднее», чем упомянутый синодик (с. 82).

Но существует, как известно, цитированная в моей статье «Задонщина» — московский памятник, происхождение которого никак не связано с Плотницким концом Новгорода. К тому же оформилась «Задонщина» много раньше того времени, к которому Г. Е. Дубровин хочет привязать все источники, указывающие на участие новгородцев в событиях 1380 г. В «Задонщине» нашло отражение непосредственное восприятие Куликовской битвы современником, а возможно, и участником ее; ярко выраженная эмоциональность восприятия событий дала даже основание считать, что это произведение «появилось сразу же после Куликовской битвы, может быть, в том же 1380 г. или в следующем».⁴

В «Задонщине» представлена поэтическая картина сбора русских войск: «На Москве кони ржуг, звенит слава руская по всей земле Руской, трубы трубят на Коломне, в бубны быог в Серпохове, стоят стязи у Дону у великого на брезе, звонят колоколы вечныа в Великом Новгороде. Стоят люди новгородцы у святой Софеи, а рыкучи: „Уже нам, братие, на пособье великому князю Дмитрию Ивановичу не поспеть“. И как слово изговаривая, уже бо яко орлы слетешася, и выехали посадники из Великого Новгорода 70 000 к великому князю Дмитрию Ивановичу и брату его князю Владимиру Ондреевичю на пособье к славному граду Москве».⁵

Г. Е. Дубровин, однако, процитировал только краткую редакцию «Задонщины», где есть лишь первая фраза приведенного пассажа о новгородцах, и тенденциозно скороговоркой ее интерпретировал (с. 80), умалчивая о датировке памятника и как бы забыв о существовании пол-

⁴ Повести о Куликовской битве. М., 1959. С. 397. См. также: Сказания и повести о Куликовской битве. Л., 1982; Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1988. Вып. 2, ч. 1. С. 347; Энциклопедия «Слова о полку Игореве». СПб., 1995. Т. 2. С. 202—203; Литература Древней Руси: Библиографический словарь. М., 1996. С. 73 и др.

⁵ Памятники куликовского цикла. СПб., 1998. С. 127. Цитировано по списку Исторического музея. Аналогичный текст — в списке Ундольского (там же на с. 113) и в Синодальном списке (там же на с. 98).

ных его текстов.⁶ Между тем в моей статье было подробно объяснено, каким путем в полных текстах «Задонщины» отобразились исторические реалии 1380 г.: из-за позднего получения известий о союзе с татарами литовцев, против которых Новгород обязывался помочь Москве, не было уже времени на поход пешего войска, и после обсуждения на вече новгородцы послали только конное.

Совершенно умалчивает Г. Е. Дубровин и о том, что в конце «Задонщины» еще раз сказано о новгородских участниках Куликовской битвы — при исчислении погибших в ней князей и бояр. После московских бояр и белозерских князей на третьем месте названы новгородцы, далее последовательно фигурируют убитые на Куликовом поле бояре еще 12 областей Русской земли.⁷

Конкретно об участии новгородцев с неодинаковыми подробностями и упоминаниями различных имен говорится в разных редакциях и изводах Повести (или «Сказания») о Мамаевом побоище. Более 200 рукописей ее представляют всероссийскую трехвековую традицию, содержание которой перманентно пополнялось материалами из устных сказаний и даже из семейных преданий, восходивших к личным воспоминаниям разных участников Куликовской битвы.⁸ Слишком нелепо было бы возвести то, что повествуется в десятках упомянутых выше рукописей о новгородцах (в одних случаях более, в других — менее пространно и далеко не однозначно), к предполагаемому тенденциозному вымыслу, порожденному заботой о своем благополучии группы бояр Плотницкого конца в третьей четверти XV столетия.

Серьезного разговора мог бы требовать только один из доводов Г. Е. Дубровина (тоже связанный, однако, с недостатком внимания к фактам, рассмотренным в моей статье). По словам полемиста, «основным аргументом» против «участия новгородцев в Куликовской битве» является «дружное умолчание летописных источников (за исключением поздних новгородских летописей XVII в., которые, видимо, черпали информацию по этому вопросу из устных преданий, а также из СМП)»

⁶ Г. Е. Дубровин непосредственно пользовался не подлинным текстом «Задонщины», а напечатанной в серии «Литературные памятники» и совмещившей разные редакции субъективной реконструкцией В. Ф. Ржиги 1959 г. Но существует реконструкция Л. А. Дмитриева 1982 г., напечатанная в той же серии и передавшая без сокращений текст об участии новгородцев. Есть они и в текстологических примечаниях к использованной Г. Е. Дубровиным реконструкции В. Ф. Ржиги. В качестве источника лучше было привлечь не научно-популярную антологию, а какую-либо из научных публикаций подлинных текстов «Задонщины» — хотя бы указанную мной выше публикацию 1998 г.

⁷ См.: Памятники куликовского цикла — в списке Ундольского (с. 119) и в списке Исторического музея (с. 131).

⁸ Рассмотрению этого процесса посвящены с. 78—88 и 97—102 упомянутой выше моей статьи «Сказание о помощи новгородцев Дмитрию Донскому». См. также: *Азбелев С. И.* 1) Устные героические сказания о Куликовской битве // *Современные проблемы фольклора*. Вологда, 1971. С. 35—48; 2) *Изобразительные средства героических сказаний // Русский фольклор*. Л., 1974. Т. 14. С. 144—163; 3) *Куликовская победа в народной памяти // «... В трубы трубят на Коломне...»: Сборник материалов научно-практической конференции, посвященной 625-летию Куликовской битвы*. Коломна, 2005. Ч. 2. С. 111—121.

(с. 79). Под СМП имеется в виду упомянутая мной выше Повесть о Мамаевом побоище. Судя по статье Г. Е. Дубровина, данный памятник для него — источник заведомо недостоверный, равно как и устные предания. Приходится объяснять это неподготовленностью автора в области фольклористики. Однако вполне достаточную общую информацию о степени историчности преданий разных типов, равно как и о восхождении именно к устным преданиям достоверных летописных (и иных) письменных повествований, московский полемист мог бы почерпнуть даже из недавно выходивших в Москве довольно большими тиражами научно-популярных изданий.⁹

Отсутствие сведений о новгородцах — участниках Куликовской битвы в старших летописях Москвы и Новгорода может казаться реальным аргументом только при игнорировании хорошо известных фактов общей исторической обстановки того времени (а также при невнимании к приводившимся мной дополнительным данным).

Молчание летописцев XIV—XVI вв. имело веские причины. Летописная повесть о Куликовской битве, ориентированная на Москву и вошедшая в сохранившиеся памятники летописания XV—XVI вв., главное внимание уделила, естественно, самому Дмитрию Донскому и его подручным князьям. Эта повесть крайне суммарно говорит о сборе войск из русских земель под знамена великого князя: «...собрав вой своих 100 тысящ и сто, опроче князей русьских и воевод местных < ... > Бяше все силы и всех ратей числом с полтора ста тысящ или с двесте тысящ».¹⁰ Здесь не упомянуто ни одного княжества и ни одной области, хотя из текста явствует, что в помощь Москве другие земли Руси прислали крупные по тому времени силы — от 40 до 90 тысяч воинов. Неудивительно, что повесть, написанная в 1386 г. — на фоне резкого обострения отношений Москвы с Новгородом (как раз в этом году Дмитрий Донской совершал поход на Новгород), об участии новгородцев в войне с Мамаем не упомянула. Не было тогда причин и у новгородцев заносить сведения об этом в свою летопись.

Куликовская победа досталась дорогой ценой. Согласно летописям, из 200-тысячного русского войска в живых осталось всего 40 или 50 тысяч. Возвращавшимся после боя русским можно было ожидать нападения литовских сил, союзных с Мамаем и даже подошедших близко к Куликову полю, но не принявших участия в битве. Летописная повесть сообщает коротко лишь о возвращении войск Дмитрия Донского в Москву. Новгородцы же должны были, очевидно, двигаться в Новгород не через Москву, которая находилась в стороне от направления их пути, а вдоль литовской границы, проходившей в то время недалеко от Тулы, через Калугу, вблизи Ржева и севернее Торопца. Сведений о возвращении новгородского отряда в русских источниках нет.

⁹ Имею в виду вступительные статьи и комментарии двух достаточно разнообразных по составу антологий, выпущенных издательством «Русская книга»: Народная проза / Сост., вступ. статья и коммент. С. П. Азбелова. М., 1992 (Серия «Библиотека русского фольклора». Т. 12); Тысяча лет русской истории в преданиях, легендах, песнях / Сост., вступ. статья и коммент. С. Н. Азбелова. М., 1999 (книга вышла вне этой серии).

¹⁰ ПСРЛ. Т. 6. С. 91; ср.: ПСРЛ. Т. 8. С. 35; ПСРЛ. Т. 43. С. 132 и др.

Немалую ценность представляют в данной связи показания немецких хроник, почти не привлекаемые историками войны 1380 г. Эти сведения помогают объяснить молчание старших летописей Новгорода об участии в войне новгородцев. Две современные событиям хроники — Детмара и Иоганна фон Позильге — сообщили под 1380 г. о «великой битве» между русскими и татарами: «Там сражалось народу с обеих сторон четыреста тысяч. Русские выиграли сражение. Когда они отправились домой с большой добычей, то столкнулись с литовцами, которые были позваны на помощь татарами, и [литовцы] отняли у русских их добычу и убили их много на поле» (цит. по Детмару).¹¹ Сходно сообщал о Куликовской битве и писавший 100 лет спустя немецкий историк Альберт Кранц, ошибочно отнесший, однако, событие к 1381 г. Здесь же он указывает, что в этом году в Любеке собрался съезд представителей всех городов Ганзы.¹²

На последнее обстоятельство обратил внимание уже Н. М. Карамзин, заметивший, что «оно может изъяснить, каким образом ведали в Германии о Донской битве: купцы ганзейские, в 1381 году имевшие съезд в Любеке, могли привезти туда вести из Новгорода, с ними союзного».¹³ Действительно, Детмар писал свою хронику как раз в Любеке, а Позильге — в Ризенбурге,¹⁴ расположенном вблизи Данцига и Эльбинга, представители которых были на ганзейском съезде в Любеке в июне 1381 г. Это был особенно крупный съезд, и как раз на нем обсуждался целый ряд вопросов, непосредственно относившихся к Новгороду.¹⁵ Очевидно, что новгородский устный рассказ, к которому восходят сведения немецких хронистов, сообщал не о судьбе главных сил Дмитрия Донского.

Московские летописи, весьма раздраженно отзывавшиеся о союзниках Мамаю, не умолчали бы о нападении литовцев на войско, возвращавшееся в Москву. Эти летописи сообщают о враждебных действиях князя Олега Рязанского в отношении тех, «кто поехал с Доновского побоища домовь, к Москве, сквозе его отчину Рязанскую землю», хотя это были не боевые столкновения военных отрядов, а всего лишь случаи задержания отдельных лиц, затем отпущенных после отнятия добычи («велел имати и грабити, и нагих пушати»)¹⁶

Следовательно, единственно присмелемым является самое естественное объяснение: немецкие хроники сообщали о нападении литовского войска на новгородский отряд, возвращавшийся со своей частью восп-

¹¹ Detmar-Chronik von 1101—1395 mit der Fortsetzung von 1395—1400 // Die Chroniken der Deutschen Städte vom 14. bis 16. Jahrhundert. Leipzig, 1884. Bd 19. S. 568.

¹² Krantz A. *Vandaliae, Hanoviae*, 1619. P. 207.

¹³ Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. 5. Примеч. 81.

¹⁴ Подробно см.: Lorenz O. *Deutschlands Geschichtsquellen im Mittelalter von der mitte des Dreizehnten bis zum ende Vierzehnten Jahrhunderts*. Berlin, 1870. S. 183—186. Текст хроники с упомянутым известием о Куликовской битве см.: *Scriptores rerum Prussicarum*. Leipzig, 1866. Т. 3. P. 114—115.

¹⁵ См.: Die Recesses und andere Acten der Hansetage von 1256—1430. Leipzig, 1872. Bd 2. S. 278—288; 1875. Bd 3. S. 329—330.

¹⁶ ПСРЛ. Т. 6. С. 97; ср.: ПСРЛ. Т. 8. С. 41; ПСРЛ. Т. 25. С. 205 и др.

ной добычи в Новгород вдоль литовского рубежа. Весьма возможно, что справедливо и дополнительное указание Кранца, который пишет, что в этом нападении участвовали также татары: часть бежавших с Куликова поля татар могла присоединиться к литовским отрядам.

О том, что такое нападение действительно произошло, позволяет судить и совершенно независимый от новгородской информации источник. Сохранилась запись Епифания Премудрого, бывшего в то время монахом Троице-Сергиева монастыря, на богослужебной рукописи, датированная 20 сентября 1380 г. (т. е. через 12 дней после Куликовской битвы): «...весть приде, яко литва грядут с агаряны» (т. е. с татарами).¹⁷ Эта весть, заставшая войско Дмитрия Донского на подходе к Коломне, вероятно, и побудила его приостановить здесь с 21 сентября на четыре дня свое обратное движение к Москве.¹⁸ Однако столкновение с новгородцами, надо думать, достаточно исчерпало военный потенциал литовцев, а отнятая добыча побуждала вернуться, не подвергая себя риску сражения с более крупными русскими силами. Остатки же новгородского отряда, очевидно, и принесли в Новгород сведения, которые попали отсюда к немецким хронистам через участников ганзейского съезда 1381 г.

Легко понять, почему старшие летописи Новгорода не поместили специальных записей о роли новгородцев в войне 1380 г. Эта война окончилась победоносно для всех участвовавших в ней на стороне Москвы русских войск — за исключением новгородского. Так как оно было сравнительно небольшим, эпизод сочли недостаточным существенным для укрепления в летописи.¹⁹ Тем более, что в 1382 г. произошел разгром Москвы Тохтамышем, а затем ухудшились надолго ее отношения с Новгородом, что привело к войне между ними уже в 1386 г.

Мне пришлось сокращенно (опустив даже часть аргументации) пересказать соответствующий фрагмент своей статьи, вызвавшей несогласие Г. Е. Дубровина. Его контрдоводы настолько же поверхностны, насколько и далеки от реального понимания исторической ситуации. В цитированном мной тексте немецкой хроники он хочет усмотреть «откровенный антимосковский выпад», свидетельствующий о «литовском источнике информации»; впрочем, Г. Е. Дубровен готов «допустить и не менее тенденциозный новгородский источник, дающий как бы „взгляд со стороны“ на войну 1380 г. и отражающий неоднозначное и в большей степени негативное отношение Новгорода к великому князю

¹⁷ Срезневский И. И. Древние памятники русского письма и языка (X—XIV веков). 2-е изд. СПб., 1882. Стб. 241.

¹⁸ Об остановке в Коломне см., например: ПСРЛ. Т. 11. С. 67.

¹⁹ Новгородские летописи того времени не раз умалчивали и о других военных мероприятиях новгородцев. Сведения о происходивших в тот же период походах новгородских ушкуйников известны по преимуществу из псковгородских источников, хотя эти походы сопровождалась даже взятием важных городов и возглавлялись иногда видными новгородскими боярами, один из которых впоследствии стал посадником. См. исследование о походах ушкуйников XIV—XV вв. в кн.: *Бернадский В. Н.* Новгород и Новгородская земля в XV веке. М.; Л., 1961. С. 36—51. См. также: *Быков А. В.* Молодцы-ушкуйники как составная часть новгородского войска в XII—XV вв. // Чело: Альманах. Великий Новгород, 2006. № 1 (35). С. 39—42.

Дмитрию Ивановичу» (с. 80). Полемист, видимо, «забывает», что в 1381 г. в Новгороде возвели храм, посвященный небесному покровителю Дмитрия Ивановича. Что касается маловероятного даже в принципе «литовского источника» (у участников ганзейского съезда связанного с Новгородом), то все равно остается вопрос: какой реальный факт стоял за этой информацией? Успешное нападение литовцев на возвращавшихся с Куликова поля русских, не отраженное в источниках Москвы, могло иметь своим объектом только новгородский отряд.

Умалчивая о неудобных для него показаниях источников, Г. Е. Дубровин «забыл» и о приведенной в моей статье записи Епифания Премудрого. Ее ведь никак нельзя поставить в зависимость не только от новгородской информации, попавшей к немецким хронистам, но и от предполагаемой полемистом информации литовской.

Почти современны Куликовской битве не только важные письменные источники («Задонщина» и известия немецких хроник), но и источники вещественные. Уже в 1381 г. новгородцы возвели два каменных храма: упомянутую мной церковь Дмитрия Солунского на Славкове улице и храм Рождества Христова на Поле. Старшие летописи Новгорода, как обычно, сообщали об этом очень скупо. Однако уже из самого факта постройки храма в честь небесного покровителя Дмитрия Донского на другой год после Куликовской битвы вполне очевидна тесная связь одного события с другим. Полвека назад в хранилище рукописей Новгородского музея мной была обнаружена и вскоре опубликована краткая летопись самого храма Дмитрия Солунского. В ней говорится, что он возведен «по обещанию великаго князя Димитрия Донского», данному этим князем во время Куликовской битвы.²⁰ Тогда же была введена в науку Новгородская Погодиинская летопись, существующая, как оказалось, во многих рукописях. Первоначальная редакция этой летописи, сообщая о построении церкви Дмитрия Солунского, уточняла, что она была заложена «по завету о победе на Мамай».²¹ В краткой редакции той же летописи сказано, что эта церковь — «обещанная, чтобы Бог победил победити Мамай безбожнаго князю Димитрию».²²

Что касается храма Рождества, то сохранившийся его синодик прямо называл князя Дмитрия Донского одним из четырнадцати перечисленных поименно строителей этой церкви в 1381 г.²³

²⁰ *Азбелев С. Н.* Новгородские местные летописцы // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 15. С. 367—368. Здесь опубликован полный текст.

²¹ ГИМ, собр. Черткова, № 331, л. 135.

²² РГБ, собр. Общества истории и древностей российских, № 129, л. 45 об. Подробнее см. в статье: *Азбелев С. Н.* Младшие летописи Новгорода о Куликовской битве // Проблемы истории феодальной России: Сб. статей к 60-летию В. В. Мавродина. Л., 1971.

²³ *Макарий*, архимандрит. Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях. М., 1860. Ч. 1. С. 558—559. Среди других имен на первом месте стояло имя Андрей. Это могли быть новгородцы, вернувшиеся с войны 1380 г., в числе их — будущий посадник Андрей Иванович, один из шести восвод, возглавивших новгородцев, посланных на помощь великому князю Дмитрию, согласно устному сказанию, рассмотренному подробно в моей статье, с которой Г. Е. Дубровин спорит (признавая, впрочем, историчность Андрея Ивановича). Архимандрит Макарий сообщал, что синодик был переписан с древнего в XVIII в.

Возведение храма «по обещанию», по «завету», даваемому в критических обстоятельствах, — довольно обычное явление в средневековой Руси. Но, естественно, что Дмитрий Донской не мог быть упомянут в известиях о постройке этих церквей, если бы Новгород, в нарушение договора с ним, не принял участия в войне 1380 г. Обещание самого великого князя (и некоторые частности) можно расценивать как позднейший домысел переписчиков летописца церкви Дмитрия Солунского; однако существенно, что построить в Новгороде «обещанную» церковь в связи с этой войной могли только участвовавшие в ней новгородцы.

Для Г. Е. Дубровина перечисленная мной только что информация источников — это плоды тенденциозного вымысла. Основанием для такого недоверия оказывается не раз подчеркиваемое полемистом обстоятельство, что все рукописи, где теперь эта информация доступна, относятся только к XVII—XVIII вв. (а одна из них — даже к первой четверти XIX в.).

Остается, правда, неясным, почему именно спустя 200—300 лет после подчинения Москве так активизировалась фальсификация новгородцами своей истории 1380—1381 гг., направленная на смягчение участи бояр Плотницкого конца в период ликвидации самостоятельности Новгорода.

Если попытаться отделить пшеницу от плевел в рассматриваемых суждениях Г. Е. Дубровина, то обнаруживается то небольшое, что может действительно стать предметом внимания. Возведенные в ознаменование победы на Куликовом поле храмы Дмитрия Солунского и Рождества оказались в пределах Плотницкого конца; там же находится ранее построенная церковь Бориса и Глеба, в синодике которой сохранялось суммарное поминание новгородцев, погибших в Куликовской битве; один из шести воевод новгородского контингента, действовавшего в ней согласно Сказанию о помощи новгородцев Дмитрию Донскому (боярин Андрей Иванович), стал впоследствии посадником от Плотницкого конца.²⁴

Сказанное позволяет думать, что в составе этого контингента жителям Плотницкого конца принадлежало достаточно важное место.

Но — не дает, конечно, повода для удивительных заключений Г. Е. Дубровина, будто бы «никакого похода» на самом деле «не было», а все приведенные выше сведения «можно расценивать» всего лишь как свидетельство того, что «во второй половине XV в.» плотницкие бояре осуществили «спланированную идеологическую акцию, подразумевающую доказательство исторически сложившейся лояльности жителей Плотницкого конца (или отдельных его представителей) к Москве» (с. 83).

²⁴ Г. Е. Дубровин подробно излагает (на с. 80—81 и в примеч. 8) со ссылками на источники факты, относящиеся к биографиям новгородских бояр Ивана Васильевича Машкова и посадника Андрея Ивановича. Это изложение в главном совпадает по существу и по ссылкам (а порой даже фразеологически) с теми сведениями, которые приводились (на с. 91—92 и в примеч. 75) в моей работе, критикуемой Г. Е. Дубровиным.

Несмотря на свою необоснованность, точка зрения Г. Е. Дубровина требовала все же рассмотрения, поскольку принадлежит она специалисту по истории Новгородской земли и заявлена была в авторитетном издании по новгородике. Необходимо, однако, добавить, что за три с половиной десятилетия заявитель оказался единственным адептом выраженного им по адресу моей работы скептицизма: позитивно оценивали ее уже четверть века назад авторы трудов, написанных в связи с 600-летием Куликовской победы, но оставшихся, видимо, неизвестными Г. Е. Дубровину.²⁵

²⁵ См., например: *Горский А. Д.* Куликовская битва 1380 г. (Некоторые итоги и задачи ее изучения в исторической науке) // *Вестник МГУ. М., 1980. Серия 8: История. № 4. С. 16;* *Кирпичников А. Н.* Куликовская битва. Л., 1980. С. 40.